

УДК947.808.4

Состояние антирелигиозной информационно-разъяснительной работы партийно-государственных структур в БССР в 1937–1941 гг.

И.И. ЯНУШЕВИЧ

Проводится анализ мероприятий партийно-государственных структур по активизации антирелигиозной информационно-разъяснительной работы с населением в 1937–1941 гг. в БССР. Главным исполнителем запланированных мероприятий ЦК КП(б)Б был определен созданный еще в середине 1920-х гг. Союз воинствующих безбожников. Выработаны и обоснованы взаимосвязь и взаимовлияние антирелигиозных пропагандистских мероприятий и социально-политических процессов в советском обществе накануне Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, Православная церковь, атеистическое воспитание.

The party-state structures activities to enhance the anti-religious outreach within the population of 1937–1941 years in Belarus is analyzed. It was determined, that the main executor of the CC CP(b)B planned activities was League of Militant Atheists created in the mid-1920s. The relationship and interaction of anti-religious propaganda activities and socio-political processes in Soviet society on the eve of the Great Patriotic War were developed and substantiated.

Keywords: anti-religious propaganda, Orthodox Church, atheistic education.

Изменения в политической и социально-экономической жизни граждан России после ноября 1917 г. не могли не затронуть и духовный мир человека. Коренная ломка всего государственного устройства требовала соответствующего информационно-пропагандистского сопровождения. Иллюзиями о поддержке массами своих преобразований лидеры большевиков себя не обнадеживали. Взяв за основу идеи исключительности и величия России, власти возвели на них идеалы нового советского общества. Спасительная миссия самого справедливого и единственного в мире социалистического государства, способного привести население планеты ко всеобщему благоденствию, была достаточно близка гражданам. Квазирелигиозный характер коммунистической идеологии дезорганизовал некоторых верующих. Направлять же и реализовывать проект могла только передовая часть общества во главе с большевистской партией. Строителем светлого коммунистического будущего должен был стать «новый человек», созданный по образу и подобию уже имеющихся и постоянно появляющихся в дальнейшем вождей разного уровня, стахановцев, героев-летчиков, пионеров-героев, людей с «горячим сердцем, холодным рассудком и чистыми руками». Главным источником таких представителей нового общества могли стать только представители общества старого. Именно они подлежали перевоспитанию с целью победы в себе былых привычек. Материалистическое мировоззрение должно было стать залогом отторжения от традиционных ценностей, отрыва от многовековой христианской культуры. Безусловно, для решения столь масштабной задачи возникла необходимость создания и поддержания в работоспособном состоянии громадной системы идеологического воздействия на массы и потребовались годы кропотливой работы. В статье предпримем попытку исследования промежуточных результатов эффективности работы агитационно-пропагандистской системы в БССР в антирелигиозной сфере спустя два десятилетия с начала атеистического эксперимента без анализа целесообразности осуществления подобной деятельности.

Вопросы организации агитационно-пропагандистской работы под руководством компартии в советский период изучались достаточно многими учеными, общественными деятелями, партийными функционерами и т.д. Исследования в сфере антирелигиозной пропаганды имели значительный уклон в сторону демонстрации весомого атеистического наследия и формулирования теоретических основ материализма, соответствующих духу времени [1]–[3]. Практическая сторона вопроса значительно идеализировалась под идеологическим прессом

компетентных товарищей. Источниковая база была весьма ограничена. Большинство документов рассекретили после 1991 г., что и вызвало огромный исследовательский интерес. Основная часть работ после развала СССР посвящена истории Русской православной церкви и иных религиозных организаций. Непосредственно проблема пропаганды безбожия в 1930-е гг. не нашла своего отражения в научных трудах. Во многом предопределили необходимость такого исследования такие ученые, как В. Алексеев [4], В. Новицкий [5], Т. Протьюко [6] и М. Шкаровкий [7]. Источниковую базу составляют материалы Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива Российской Федерации.

1937 г. взят за крайнюю дату не в силу символичности двадцатилетнего периода существования богоборческой власти. Главным образом это связано с важными решениями КП(б)Б по организации антирелигиозной работы. Безусловно содержание решений бюро ЦК КП(б)Б, резолюции собраний и совещаний находились в прямой зависимости от тональности февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., указавшего на «политическую близорукость», и последовавшей за ним волны изъятия граждан. Еще одним значимым событием в деле организации борьбы с религией явилась перепись населения 1937 г. Вопрос об отношении к религии был внесен лично И. Сталиным. Ответ обескуражил и его, и получивших доступ к результатам. Около 57 % или около 90 млн. граждан даже при угрозе всевозможных санкций записались верующими. С учетом секуляризации дореволюционного общества, ликвидации религиозных организаций, объективной невозможностью дачи честного ответа социально-активной категорией населения успехи безбожия (67 млн.) были не столь внушительны как преподносилось пропагандой и предполагалось ответственными работниками. «Религиозным дурманом» были «поражены» практически все слои (классы) социалистического общества. Религиозность была высокой. И если для неграмотных старше 70-ти лет положительный ответ у 94.5 % был в целом ожидаем и оправдан, то 32.5 % у грамотной молодежи от 16 до 19 лет означал практически полный провал деятельности партийно-государственных структур на антирелигиозном фронте. Хотя результаты переписи сразу же были засекречены, на местах представляли расклад сил. Например, в Дрибинском районе при сборе подписей за открытие церкви из 1068 303 были от людей младше 30 лет [8, л. 370]. Становилась очевидность ошибочности определения уровня религиозности граждан наличием официально действующих молитвенных зданий, внешних атрибутов причастности к культу, зарегистрированных священнослужителей, зафиксированных исполнений религиозных обрядов. Естественно, с учетом массового силового закрытия храмов, изъятия клира, глумления над участниками культовых практик и отнесением терпимого отношения к верующим к проявлению враждебности по отношению к советской власти, внешне картина выглядела вроде бы и на достаточном для самоуспокоения уровне. На самом деле ситуация была вредна как для агитационно-пропагандистской работы, так и для духовно-нравственного состояния общества. Об этом неоднократно указывалось комиссией по делам культов при ЦИК СССР: «Религиозность населения административно загнана в подполье. Она выливается в тайные формы, ищет выхода и находит сначала в некотором изменении религиозных обрядов и их приспособлении к существующей обстановке, а в последствии в формы организованных нелегальных групп, которые широко используются контрреволюционным элементом для создания контрреволюционных групп фашистского и террористического порядка» [9, л. 110]. Стиль текста соответствует духу времени. 1936–1937 гг. заставляли ответственных работников во всех видеть фашистов, террористов, хотя на самом деле абсолютное число к ним причисленных, пусть и антибольшевистски настроенных, но просто желавших исповедовать ту или иную религию. Лишенные возможности участвовать в жизни официально зарегистрированных, а значит ответственных за свою культовую практику и отношение к властям организаций, верующие подвергались серьезнейшей мировоззренческой дезориентации. Возникавшие формы религиозной жизни зачастую были весьма далеки от каноничных для традиционных конфессий. В той же информации комиссии по делам культов находим следующие характеристики этих форм: «Появились бродячие попы. Легче орудуют всякого рода проходимцы, знахари, предсказатели, святые и др.» [9, л. 110]. Склонность людей к окултно-мистическим действиям подменяла традиционную религиозность, тем самым подготавливая «почву для всякого рода антисоветской агитации, слухов, сплетен (об антихристах)» и «повышая у части общества интерес к религиозным верованиям»

[9, л. 110]. Руководство партии и НКВД понимали, что проводимая линия по уничтожению организационных основ религиозных организаций оказалась по сути ошибочной и бесперспективной. Изъять громадное количество граждан было нереально, а с учетом демографической ситуации и недостатка рабочей силы и не выгодно. Перевоспитать абсолютно не приемлющих материализм не удалось и за двадцать лет, то вопрос необходимо было решать ближайшей перспективе. С целью локализации влияния радикальных верующих НКВД БССР предложил план по умиротворению колеблющихся: «К/р церковный элемент, используя отсутствие действующих церквей, проводит усиленную антисоветскую агитацию среди отсталого слоя населения, истолковывая в антисоветском духе политику партии и советской власти в части свободного отправления религиозных обрядов и тянут верующих в подполье. Вследствие этого и для быстреего нанесения оперативного удара по антисоветскому церковному активу и для антирелигиозного разложения отсталых религиозных масс, считаем необходимым допустить возобновление служб в ряде церквей (10–12), которые не функционируют и вопрос о закрытии которых не подымался» [10, л. 76–77].

В дополнение к своему предложению Народный комиссар внутренних дел БССР майор госбезопасности Наседкин в докладной в ЦК КП(б)Б указывал на необходимость усиления антирелигиозной работы всей системой агит-пропа. Комиссар знал ситуацию в республике и осознавал, что действия властей по закрытию молитвенных зданий формировали неблагоприятный климат для проведения столь злободневной антирелигиозной пропаганды. В БССР их к 1936 г. функционировало 10.9 % от дореволюционной численности, хотя по СССР насчитывалось 28.8 % , по РСФСР – 35.6 % и только УССР с 9 % опережала нашу республику [9, л. 81]. Причем основная масса поступающих в Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме Верховного Совета СССР жалоб была на незаконное закрытие храмов. Из БССР только в 1935 г. было 152 ходока. По подсчетам данной комиссии незаконно было закрыто 32.4 % [11, л. 96]. Из законно закрытых не использовалось 22 %. «Законно» в данном случае считается, что была соблюдена процедура, при этом в абсолютном большинстве случаев принятые «по просьбам трудящихся» решения не учитывали мнение верующих граждан. Абсолютно невероятно что бы жители села Бродецкое Березинского района были согласны с закрытием своего храма когда ближайший сохранившийся располагался на расстоянии 70 км., а в Витебске после ликвидации последней из десяти церквей на расстоянии 50 км. Если не удавалось прервать богослужения законодательно допустимым путем, то местные власти шли на различные ухищрения. В частности в сельхоз предприятиях остро стоял вопрос хранения зерна, особенно во время жатвы. Верующие давали согласие на временное непрофильное использование помещения церкви под зерносклад. В данный период они не пользовались зданием, но установленные платежи за него взывались. После использования церкви возвращались «верующим в испорченном виде, культовое имущество обычно ломается и расхищается» [9, л. 97]. Часто изымались храмы под засыпку зерна при наличии иных свободных для этих целей помещений. Местные власти таким образом вместо совершенствования форм и методов антирелигиозной работы применяли характерную для начала 1920-х гг. и 1930-х гг. тактику административного нажима.

Естественно охватить квалифицированными лекторами и способными к организации антирелигиозной работы кадрами все население власти были не в состоянии. С учетом показателей религиозности представляется, главной задачей была локализация активных форм проявления недовольства антирелигиозной политикой государства. Здесь возникала необходимость координации действий всех властных структур. На агитаторов и пропагандистов ложилась задача разъяснения гражданам контрреволюционной сущности и обыденной отсталости участников несанкционированных действий. Причем вопрос опережения этих самих действий религиозного характера был практически не выполнен. Постфактум собирались ударные группы, которые организовали информационно-разъяснительную работу, а где было необходимо подключались и компетентные органы для изъятия наиболее активных верующих. Особенную обеспокоенность пропагандистов вызывало «святое письмо» «от божьей матери отца сыны святого духа от белого монастыря», активно распространявшееся среди верующих в предвоенные годы. Суть письма сводилась к призыву к покаянию, соблюдению постов, верности к Богу. Неверующие «будут наказаны от бога громами и огнями, пойдет народ на народ, брат на брата и будет между вами

большое кровопролитие» [12, л. 108]. Сомневающиеся предупреждались о неминуемой каре божьей за отступничество от веры. Письмо следовало переписать 9 раз и разослать другим людям. С учетом имевшейся, особенно в 1937 г., ситуации с изъятиями граждан, распространяемых слухов о неминуемой войне с Гитлером и угрызениями совести за внешний отказ от веры письмо производило на граждан серьезное впечатление. Неуверенность в завтрашнем дне, боязнь за родных и близких и прочие возникающие проблемы направляли мысли людей к Богу. На этой почве фиксировались массовые, по мнению ответственных работников, антисоветские выступления как в Шкловском районе: «В колхозе «1-я пятилетка» колхозницы не вышли демонстративно на работу, не пустили своих детей в школу и заставили детей переписывать это «божье послание» на 9 листах. Переписали и отдали в другие места. В домах, где по несколько лет не было икон, появились чудотворцы и «божьи матери» с угодниками» [13, л. 61]. В подобных местах необходимо было срочно организовывать антирелигиозный десант.

Еще одной существенной проблемой для антирелигиозников стала новая «сталинская конституция». Предполагавшийся очередной шаг по полному запрещению любой религиозной деятельности был отвергнут И. Сталиным, обозначившим при обсуждении новой редакции следующее: «Далее идет поправка к статье 124-ой проекта Конституции, требующая ее изменения в том направлении, чтобы запретить отправление религиозных обрядов. Я думаю, что эту поправку следует отвергнуть, как не соответствующую духу нашей Конституции» [14, с. 149]. За признанием права на исповедование любой религии последовала волна жалоб на незаконное снятие с регистрации молитвенных зданий и заявлений об открытии и их и официально не закрытых, но и фактически не функционирующих храмов. В этой ситуации пропагандисты обязывались объяснить населению, что, несмотря на дарованную партией «широчайшую демократию», сама по себе мысль об открытии храмов является контрреволюционной. Подпись под заявлением могла значительно усложнить жизнь человека, особенно если после проведенной профилактической беседы он не соглашался ее отозвать. Однако реально противопоставить что либо возникшему движению было сложно. Это обозначалось и в докладной секретарям ЦК КП(б)Б: «Уже из одного сопоставления подачи заявлений на закрытие (112) и открытие (237) молитвенных домов за 1936 г. явно свидетельствует о значительной активизации церковников и всей слабости нашей антирелигиозной пропаганды в республике. Причем, надо иметь в виду, что церковники при организации ходатайства об открытии молитвенных домов проводят вокруг каждого заявления более усердную свою «массовую» по существу контрреволюционную работу по одурачиванию трудящихся, нежели наши партийные, комсомольские, профсоюзные и другие организации проводят антирелигиозную, политвоспитательную работу вокруг сбора подписей за закрытие церквей, костелов, синагог» [15, л. 394–395]. Сама процедура проходила не транспарентно. Многие были вынуждены подписывать в силу служебного или семейного положения, а в деревнях вместо разъяснительной работы подписи часто просто фальсифицировались.

Между тем именно информационно-разъяснительную работу в борьбе с религиозными деятелями назвал главной И. Сталин. Выступая в ноябре в 1936 г. с докладом «О проекте Конституции Союза ССР» на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов при обсуждении редакции новой конституции в плане предоставления священнослужителям избирательных прав Сталин однозначно обозначил: «...Говорят, что опасно, так как могут пролезть в верховные органы страны враждебные советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и т. д. Но чего тут собственно бояться? Волков бояться, в лес не ходить. Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, если народ кое-где и избереет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслужили такой позор, если же наша агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы. Значит, надо работать, а не хныкать...» [14, с. 149].

На это нацеливали и решения ЦК КП(б)Б и совещания пропагандистов. В 1938–1939 гг. ситуация постепенно изменяется в сторону систематизации в проведении агитационно-пропагандистской работы. Не смотря на имеющиеся проблемы, партийные структуры уже

способны были решать серьезные вопросы на идеологическом фронте. Определенное И. Сталиным задание «поднять политическую работу нашей партии на должную высоту, поставив во главу угла задачу политического просвещения и большевистской закалки партийных, советских и хозяйственных кадров» с огромными трудностями, но выполнялось [16, л. 45]. Партпросвещение приобретало систематический характер. Вузы выпускали профессиональных идеологических работников. Были подготовлены адаптированные учебные программы курсов и кружков. Изданы методические материалы. Структурирование позволило ликвидировать дублирование функций. В Минске и Гомеле создавались научно-методические центры. Укрупнение школ политграмоты способствовало качественному росту педсовета. Подготовку коммунистов начали осуществлять в соответствии с их общим уровнем грамотности, исключив возможность перевода по несколько раз с одного кружка в другой в связи с невозможностью освоения программы. Значительное изменение наметилось в составе пропагандистов. Трудно определить профессиональный потенциал изъятых НКВД и разоблаченных как врагов народа, но замена достаточно образованными малограмотными лекторами-пропагандистами, безусловно, усиливала работу. В систему агит-пропа вливались коммунисты, закончившие специальные курсы по переподготовке.

В целом система политпросвещения вселяла в партийное руководство республики уверенность в возможность активизации и антирелигиозной работы. Для восстановления наиболее полной картины на места 23.04.1937 г. было направлено письмо за подписью заведующего отделом партийной пропаганды и агитации ЦК Л. Готфрида с просьбой дать характеристику деятельности религиозных организаций и «паведаміць, якую дапамогу вам пажадана атрымаць ад ЦК і другіх менскіх арганізацый па гэтаму пытанню» [17, л. 219]. Основываясь на предложениях с мест, информации НКВД, инструктивных письмах ЦС СВБ СССР в республике с 1937 г. начинает реализовываться комплекс антирелигиозных мероприятий, в целом носивших первоначально организационный характер по возрождению ячеек СВБ. На базе создаваемой структуры безбожников партийным организациям предстояло вовлечь в антирелигиозную работу как можно большее количество участников. Основными застрельщиками в этом направлении должна была стать социально-активная часть общества. Учителя, врачи, инженерно-технические работники, коммунисты и комсомольцы своим примером критического отношения к религии и церкви могли воздействовать на население. Опорные пункты антирелигиозной работы сосредотачивались в школах, избах-читальнях, клубах. Для подготовки пропагандистов организовывались специальные курсы. Через которые только в 1940 г. прошло 103 слушателя. В том же году была создана внештатная лекторская группа в количестве 75 человек из наиболее подготовленных научных работников. При Президиуме Академии наук БССР во главе с академиком С.Я. Вольфсоном была создана группа атеизма, на которую возлагалась задача по совершенствованию научно-методической базы атеистической работы. Предполагалась подготовка и издание научно-популярных брошюр для агитаторов и пропагандистов. Главной формой организации антирелигиозной работы становятся индивидуальная работа атеистов с верующими коллегами, родителями учащихся и лекции. Материалы выступлений рецензируются и редактируются ведущими белорусскими учеными. Лекторская группа ЦС СВБ БССР только за 1940 г. прочитала 803 лекции из них 526 в западных областях, охватив около 72 тысяч слушателей [18, л. 25].

К существенным недостаткам в деле организации антирелигиозной работы следует отнести нежелание ей заниматься такими важнейшими идеологическими институтами как комсомол и профсоюз. Данные организации практически игнорировали этот участок информационно-разъяснительной работы. Располагая значительной материальной базой вместо идеологической обработки трудящихся и учащихся они большее внимание уделяли зарабатыванию средств на проведении досуговых и иных мероприятий. ЦК ВЛКСМ в июне 1941 г. указывал, что некоторые их структуры увлеклись «вульгарным», развращающим народ платным досугом, превратив его «чуть ли не в единственную форму культурно-массового обслуживания молодежи» [19, л. 108]. Очень слабо, а во многих местах практически полностью отсутствовала антирелигиозная работа в сельской местности, где была сконцентрирована основ-

ная масса носителей религиозного мировоззрения. В недостаточной степени продвижению безбожия способствовала центральная республиканская пресса. За 1940 г. такие газеты как «Звезда» и «Советская Белоруссия» опубликовали только по 3–4 соответствующих материала, некоторые районные по 1–2, что в условиях недостаточного количества специальной антирелигиозной литературы значительно осложняло работу низовых организаций. Главным образом из-за отсутствия квалифицированных оплачиваемых сотрудников не удалось к июню 1941 г. наладить работу изб-читален и парткабинетов. Руководство ими на общественных началах только с формальной точки зрения позволяло говорить о их эффективном функционировании. На практике помещения были плохо оборудованы, часто надолго закрыты, а имеющаяся там литература никем не использовалась. Воссоединение с западными областями Беларуси и Украины способствовало значительному перемещению туда квалифицированных специалистов пропагандистов, что негативно сказывалось на работе в восточных регионах.

Таким образом, проведенное исследование показало, что партия и правительство ставили перед агитационно-пропагандистским сектором сложные задачи, решение которых на практике было неосуществимым. Общественно-политическая ситуация в период завершения формирования нового государственного строя требовала максимальной концентрации усилий всех звеньев идеологического механизма. Антирелигиозная работа, не смотря на декларируемую официальными структурами опасность для советского общества религиозных пережитков и церковных организаций, не являлась приоритетной в данной сфере. К концу 1930-х гг. главной формой распространения атеизма становится информационно-разъяснительная работа, эффективно охватывающая незначительную часть населения. Большинство граждан советского государства не придерживались материалистического мировоззрения, а возникающие формы культовых практик и объединений верующих наносили урон духовно-нравственному развитию общества. Как показала в дальнейшем практика советского безбожия, реализуемая на основании оптимизированной И. Сталиным коммунистической идеологии квазирелигиозного характера, для секуляризации общества необходимо было ликвидировать носителей положительной информации о религии и церкви: культуру, воцерковленную семью, возможность организации повседневной жизни в соответствии с религиозным учением и догматами. Наличие примера мученического подвига десятков тысяч священников и мирян (даже и при миллионах вероотступников), авторитет родных и близких, мировоззренческий поиск в условиях сохранившейся еще исторической памяти, некое идейное тождество ценностных ориентаций традиционных конфессий и коммунистического учения в комплексе с имеющимися организационными и методологическими недоработками не позволили к 1941 г. сформировать в БССР эффективную антирелигиозную агитационно-пропагандистскую систему.

Литература

1. Жук, А.П. Становление научно-атеистической мысли в Советской Белоруссии / А.П. Жук. – Минск : БГУ им. В.И. Ленина, 1981. – 243 с.
2. Платонов, Р.П. В.И. Ленин о научных основах атеистической пропаганды / Р.П. Платонов. – Мн. : 1969. – 147 с.
3. Круглов, А.А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987) / А.А. Круглов. – Минск : Беларусь, 1989. – 367 с.
4. Алексеев, В.А. Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М. : Россия молодая, 1992. – 246 с.
5. Канфесіі на Беларусі / В.В. Грыгор'ева [і др.] ; пад рэд. У.І. Навіцкага. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 325 с.
6. Протьюко, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. Протьюко. – Минск : Тесей, 2006. – 687 с.
7. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 4 п. – Оп. 1. – Д. 12099.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5263. – Оп. 1. – Д. 32.
10. НА РБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 13219.

11. ГА РФ. – Ф. 5263. – Оп. 1. – Д. 46.
12. НА РБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 12082.
13. НА РБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 11852.
14. Сталин, И. Доклад на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. / И. Сталин // Вопросы истории. – 1995. – № 3. – С. 3–15.
15. НА РБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 11834.
16. НА РБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 13188.
17. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 451. – Оп. 3а. – Д. 1211.
18. НА РБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 15512.
19. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 1м. – Оп. 4. – Д. 282.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 06.11.2014

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ